

ИЛЪЯ ЛЕЙН

ТИХИЙ ОГОНЬ

КАК ПЕРЕСТАТЬ СГОРАТЬ ОТ ЧУЖИХ СЛОВ

Илья Лейн

Тихий огонь. Как перестать сгорать от чужих слов

<https://litres.ru/74086724>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вас выводит из себя не жизнь, а то, как ум кидается на каждую мелочь? Хватит ругать себя за вспышки усталости и тревоги.

Здесь Вы увидите простую вещь: покой начинается не с красивых слов, а с умения заметить, что происходит внутри прямо сейчас. Вы перестанете кормить обиду, начнёте быстрее выходить из гнева, сможете меньше цепляться за чужие слова и спокойнее встречать то, что пошло не по плану. Вы узнаете, зачем возвращаться к дыханию, почему честное наблюдение сильнее уговоров и как маленькая внутренняя пауза меняет разговор, работу, семью и весь день. Я говорю с Вами без позы учителя. Как за столом, где наконец можно сказать правду: мир не обязан стать удобным, но Вы можете перестать сгорать от каждого его движения.

Содержание

Введение	4
Глава 1. Первое возвращение к себе	11
Глава 2. Закон, который не спорит	30
Глава 3. Когда ум сам поднимает бурю	51
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Илья Лейн

Тихий огонь. Как перестать сгорать от чужих слов

Введение

В человеке есть странная привычка: он ищет покой там, где его меньше всего. Он меняет место, спорит с людьми, переделывает расписание, заставляет себя быть сильнее, умнее, спокойнее. Иногда это помогает на час или на день. Потом кто-нибудь говорит резкое слово, ломается нужное дело, приходит письмо, которого не ждали, и вся эта хрупкая постройка снова падает. Человек будто узнает себя заново, но не с лучшей стороны. Он хотел быть спокойным, а стал раздраженным. Хотел говорить разумно, а сказал лишнее. Хотел поступить великодушно, а потом всю ночь перебирал в голове одну обиду.

Я не пишу эту книгу как проповедь. Проповеди слишком легко слушать и слишком трудно применять. Человек может соглашаться с самой высокой мыслью и через пять минут ругаться из-за пустяка. Он может цитировать мудрых людей, рассуждать о сострадании, о внутренней свободе, о мире между народами, а дома не выдержать обычного разгово-

ра с близким человеком. Значит, дело не в красивых словах. Слова могут указать направление, но идти придется ногами. И спотыкаться тоже придется самому.

Есть вещи, которые не зависят от веры. Огонь обжигает руку любого человека. Если человек выпьет яд, тело не спросит, к какой школе он принадлежит. Так же и с умом. Когда в нем поднимается злость, зависть, страх, жадность, он сразу начинает страдать. Не завтра, не после смерти, не когда кто-то вынесет приговор. Сразу. Внутри становится тесно, дыхание меняется, тело сжимается, лицо грубеет, речь делается колючей. Можно объяснять себе, что виноват другой человек, но первое наказание уже получено. Его выдал сам закон жизни.

Эта мысль проста, почти неприятно проста. Мы привыкли искать виновника снаружи. Нам кажется, что если бы начальник был мягче, дети послушнее, соседи тише, страна честнее, погода удобнее, тогда и жизнь была бы другой. Конечно, внешние обстоятельства важны. Голодного надо накормить. Больного надо лечить. Несправедливость нельзя прикрывать словами о душевном равновесии. Но даже когда человек делает нужное дело, он может делать его из ясного ума или из внутреннего пожара. В первом случае он помогает. Во втором часто добавляет новый вред к старому.

Поэтому главный вопрос звучит не так возвышенно, как нам хотелось бы. Не: как изменить весь мир? А: что происходит во мне, когда мир не слушается? Что именно подни-

мается в теле и уме, когда меня задели, унизили, испугали, обошли стороной? Как я становлюсь рабом первой реакции? И можно ли увидеть эту реакцию раньше, чем она потянет меня за язык, за руку, за решение, о котором потом придется жалеть?

Древняя практика внутреннего наблюдения ценна не тем, что принадлежит какой-то традиции. Ее сила в проверяемости. Человеку предлагают не верить на слово, а посмотреть. Сесть, умолкнуть, оставить на время привычные опоры и начать с самого обычного факта: дыхание входит, дыхание выходит. Оно не индийское и не европейское, не религиозное и не светское. Оно просто есть. Пока человек жив, дыхание рядом с ним. В нем нет украшения, нет театра, нет повода для гордости. Именно поэтому с него удобно начинать.

Сначала оказывается, что ум почти не умеет жить там, где находится тело. Тело сидит в комнате, а ум уходит в прошлый разговор, в будущую опасность, в старую досаду, в сладкую мечту, в спор, который уже закончился, или в спор, который еще не начался. Человек видит это и обычно огорчается. Но огорчаться не нужно. Это первое честное знакомство. Мы годами говорили о себе, что владеем собой. Несколько минут наблюдения показывают, что владение это весьма условное. Ум бежит, как непослушный ребенок. Он хватается все подряд и требует немедленной реакции.

Но если не злиться на этот ум, если снова и снова возвращаться к дыханию, начинается маленькая перемена. Не чу-

до, не озарение, не особое состояние для избранных. Просто человек замечает: между раздражением и действием есть промежуток. Очень короткий, почти незаметный, но он есть. В этот промежуток можно войти вниманием. Тогда старая привычка теряет часть силы. Она все еще поднимается, но уже не всегда командует. Это скромное открытие стоит многих книг.

Внутренний труд не требует смены имени, одежды, языка или вероисповедания. Человек может оставаться тем, кем он был в обществе: отцом, матерью, рабочим, врачом, предпринимателем, чиновником, учителем. Вопрос в другом: станет ли он меньше вредить себе и другим. Будет ли он замечать, что злость сначала сжигает его самого. Сумеет ли он говорить твердо без ненависти. Сможет ли действовать решительно без опьянения собственной правотой. Вот где проверяется зрелость, а не в том, как человек называет свои взгляды.

Эта книга не заменяет практику. Она может только подготовить почву, объяснить некоторые простые законы и убрать лишний туман. Я буду говорить о дыхании, внимании, нравственной основе, наблюдении ощущений, о привычке ума хвататься за приятное и отталкивать неприятное. Буду говорить о гневе, страхе, желании, о той тонкой внутренней торговле, которую человек ведет сам с собой каждый день. И все время придется возвращаться к одному: проверь сам. Не принимай из уважения к автору. Не отвергай из упрямства.

Посмотри, как это работает в твоей жизни.

Умный человек может спорить с любой мыслью. Это его право. Но страдание не становится меньше от того, что мы нашли удачное возражение. Если внутри поднимается тревога, она не исчезает от красивой формулы. Если обида много лет лежит в памяти, она не растворяется от одного решения забыть. Если тело каждый раз сжимается при одном имени, значит, ум хранит там что-то незавершенное. Нужно научиться видеть этот процесс там, где он действительно происходит, а не только обсуждать его на поверхности.

Путь начинается с честности. Не с торжественной честности, которую приятно заявлять вслух, а с очень простой. Я раздражен. Я боюсь. Я хочу, чтобы меня похвалили. Я завижусь. Я держусь за свою правоту сильнее, чем за мир в душе. Я делаю вид, что простил, но в удобный момент снова достаю старый счет. Такое признание не унижает человека. Наоборот, оно возвращает ему возможность учиться. Пока болезнь спрятана под красивым покрывалом, врач ничего не сделает. Когда рана открыта, ее можно очистить.

В этой работе нет места самообману, но нет и места самобичеванию. Ненависть к себе является такой же нечистотой ума, как ненависть к другому. Человек видит слабость, признает ее и начинает работать. Снова дыхание. Снова наблюдение. Снова внимание к телу, где каждая реакция оставляет след. Так постепенно он перестает быть игрушкой каждого толчка. Он не становится камнем. Напротив, живой чело-

век чувствует больше, но тонет меньше. Он слышит резкое слово, видит подъем жара, замечает сжатие в груди и уже не обязан сразу отвечать тем же.

Мир нуждается в больших решениях, но большие решения начинаются с людей, которые не заражают пространство своей внутренней грязью. Это звучит просто, даже слишком просто. Однако в семье один раздраженный человек может сделать тяжелым весь вечер. В рабочем коллективе один человек, одержимый страхом и подозрением, может отравить неделю многим. В обществе толпа людей, уверенных в своей обиде, легко становится опасной. Поэтому забота о собственном уме не является частным капризом. Это вклад в общую безопасность.

Нельзя построить мир только лозунгами о мире. Нельзя воспитать доброту приказом быть добрым. Нельзя остановить ненависть новой порцией ненависти, даже если она кажется справедливой. Нужна дисциплина наблюдения. Нужна нравственная опора, чтобы не причинять лишнего вреда. Нужна тренировка внимания, чтобы ум стал пригодным для более глубокого труда. Нужна мудрость, которая рождается не из чужих слов, а из собственного опыта. Тогда человек начинает понимать: свобода не в том, что мир наконец делает все по-моему. Свобода в том, что я перестаю слепо гореть от каждого прикосновения мира.

Такое начало скромно. Оно не обещает быстрых побед. Оно даже может разочаровать того, кто ждет особых пережи-

ваний. Но именно в этой скромности есть надежность. Дыхание входит, дыхание выходит. Ум убегает, человек замечает это и возвращается. Возникает приятное, человек не бросается хватать. Возникает неприятное, человек не спешит оттолкнуть. День за днем меняется самый глубокий навык: привычка реагировать вслепую. Когда меняется этот навык, меняется речь, поступки, отношения, работа, отношение к боли и радости. Меняется сама мера счастья.

Глава 1. Первое возвращение к себе

Утро может начаться очень мирно. Чайник шумит на кухне, окно еще серое, в доме никто не торопится. Человек думает, что сегодня он будет спокойнее, чем вчера. Он даже чувствует в себе такую возможность. Потом телефон показывает короткое сообщение, всего несколько слов. В этих словах нет удара кулаком, нет угрозы жизни. Но тело уже отвечает. В груди плотнеет, дыхание становится короче, лицо напрягается. Ум мгновенно собирает обвинение. Через минуту человек уже не пьет чай, а судит, спорит, защищается, хотя рядом никого нет.

Вот с этого места и начинается настоящая учеба. Не с книжной полки, не с торжественного обещания стать лучше, а с момента, когда обычная жизнь нажимает на старую кнопку. Мы много знаем о себе в спокойном состоянии. Мы говорим: я не злопамятный, я разумный, я умею слушать. Но знание, которое не выдерживает первого неприятного сообщения, еще слабое. Его нельзя презирать, но и доверять ему полностью нельзя. Оно похоже на карту, которую человек нарисовал, ни разу не выйдя из комнаты.

Если в такой момент спросить себя: что случилось на самом деле? - ответ сначала будет внешним. Меня обидели.

Меня не поняли. Со мной поступили грубо. В этом может быть правда. Но она неполная. Потому что одновременно случилось другое: во мне возникла волна реакции. Она имеет свои признаки. Дыхание изменилось. В животе появилось напряжение. В голове пошел жар. Мысль стала повторять одно и то же. Это уже не рассказ о другом человеке. Это факт моей собственной жизни. Его можно наблюдать.

Обычно человек пропускает этот факт. Он сразу бежит за содержанием мысли. Кто прав? Что ответить? Как доказать? Почему он всегда так? Почему со мной нельзя иначе? Мысль получает все внимание и раздувается. Тело тем временем становится топливом. Чем сильнее неприятное ощущение, тем больше ум хочет избавиться от него через действие: написать резче, хлопнуть дверью, пожаловаться третьему, наказать молчанием. Так возникает круг, знакомый каждому. Внешний повод дает внутреннюю боль, внутренняя боль требует внешнего ответа, ответ создает новые поводы.

Древняя наука наблюдения предлагает не украшать этот круг, а увидеть его. Сначала на грубом уровне. Вот дыхание стало тяжелым. Вот плечи поднялись. Вот ладони сжались. Вот хочется произнести фразу, после которой разговор уже нельзя будет легко вернуть назад. Если человек успел это заметить, он уже не полностью спит. Реакция может быть сильной, но в ней появилась трещина. В эту трещину входит внимание.

Надо подчеркнуть одну вещь. Наблюдать не значит терпеть несправедливость, делая вид, что все хорошо. Это частая ошибка. Человек слышит разговор о спокойствии и думает: значит, надо молчать, когда тебя унижают; надо улыбаться, когда рушат нужное дело; надо сидеть сложа руки, когда кто-то причиняет вред. Нет. Вопрос не в слабости. Вопрос в качестве действия. Можно остановить грубость без ненависти. Можно сказать нет без внутреннего яда. Можно защищать дело собранно, а не с пеной в уме. Разница видна не только другим, ее сразу чувствует сам человек.

Ненависть кажется силой, потому что она поднимает много энергии. Сердце бьется, речь ускоряется, взгляд становится жестким. Но такая сила не свободна. Она тащит за собой слепоту. Человек перестает видеть всю ситуацию и видит только врага. Он может попасть в цель, но часто ломает больше, чем хотел. Потом приходится объяснять, извиняться, оправдываться или, что хуже, гордиться своей грубостью, чтобы не признать внутреннюю слабость. Спокойная твердость выглядит менее ярко, зато в ней больше пользы.

Чтобы прийти к такой твердости, одного решения мало. Нельзя приказать себе: с завтрашнего дня я не буду злиться. Несколько часов это может работать, особенно если никто не мешает. Потом жизнь снова дает неприятное ощущение, и старая привычка поднимается без разрешения. Она не спрашивает наше мнение. Она годами тренировалась. Мы много раз кормили ее одинаковым способом: приятное хватать,

неприятное отталкивать. Теперь она стала быстрой. Значит, нужна другая тренировка, такая же регулярная и более терпеливая.

Первый шаг прост: наблюдать естественное дыхание. Не менять его, не делать красивым, не считать себя особенным оттого, что сел на несколько минут. Дыхание длинное - знать, что оно длинное. Короткое - знать, что оно короткое. Проходит через одну ноздрию сильнее - знать это. Еле заметно - знать это. Ум ушел - заметить и вернуть. Здесь нет победы над миром. Здесь человек впервые перестает все время убежать от самого близкого факта.

Очень скоро он обнаружит, что дыхание скучно только для нетерпеливого ума. Само по себе оно живое. Оно меняется, тонет, грубеет, теплеет, почти исчезает, снова становится явным. Но главная находка не в дыхании, а в уме, который не желает оставаться с ним. Ум вспоминает давний разговор, строит будущую удачу, сочиняет ответ, оценивает соседа, проверяет собственный успех в медитации. Он как торговец на шумном рынке: предлагает один товар за другим, лишь бы внимание не сидело спокойно.

Можно рассердиться на этот ум. Многие так и делают. Они садятся медитировать и через пять минут считают себя неспособными. Это тоже реакция. Ум убежал, а человек добавил к бегству раздражение. Польза начинается там, где появляется простая доброжелательная строгость. Убежал - возвращаю. Снова убежал - снова возвращаю. Не надо внут-

ренного крика. Не надо обиды на себя. Каждый возврат является упражнением. Именно он укрепляет способность видеть, а не мечтать о видении.

Постепенно выясняется, что ум почти всегда уходит в две области. Или в прошлое, где он чинит уже случившееся, ругает себя и других, заново выигрывает старый спор. Или в будущее, где он боится, надеется, планирует, требует гарантий. Прошлое уже ушло, будущее еще не пришло, а жизнь доступна только сейчас. Это не красивая фраза, а практический факт. Дыхание происходит сейчас. Напряжение в теле происходит сейчас. Реакция происходит сейчас. Освобождение от реакции тоже может начаться только сейчас.

Когда человек видит это собственными глазами, он перестает путать размышление о жизни с самой жизнью. Размышление нужно. Без него нельзя вести дела, растить детей, строить дом, лечить болезнь. Но размышление должно быть инструментом, а не хозяином. У многих людей оно стало хозяином. Они отдыхают, но ум продолжает спорить. Они едят, но не чувствуют вкуса. Они слушают близкого человека, но уже готовят ответ. Тело находится здесь, ум все время в бегах. Отсюда усталость, которую не снимает даже сон.

Наблюдение дыхания возвращает ум к телу. Это звучит почти бедно, но бедность здесь обманчива. Пока ум не вернулся к телу, человек плохо знает, что с ним происходит. Он видит только внешний сюжет. Когда внимание становится устойчивее, появляется возможность заметить связь: мысль

пришла - дыхание изменилось; воспоминание поднялось - в груди возникла тяжесть; ожидание похвалы появилось - лицо потянулось к улыбке; страх мелькнул - живот сжался. Тогда слово внутренний опыт перестает быть туманом. Оно становится конкретным.

На этом месте важно не торопиться к выводам. Некоторые, едва заметив пару ощущений, начинают строить большие теории о себе. Это снова игра ума. Практика просит меньше теории и больше прямого видения. Жар есть - знать жар. Давление есть - знать давление. Покалывание есть - знать покалывание. Приятное есть - знать приятное. Неприятное есть - знать неприятное. И самое главное: видеть, как все это меняется. Ни одно ощущение не стоит на месте. Оно возникает, держится какое-то время и проходит, если не кормить его новой реакцией.

Так человек впервые начинает понимать непостоянство не как философскую мысль, а как непосредственный факт. Раньше он говорил: все проходит. Но когда приходила боль, вел себя так, будто она навсегда. Когда приходило удовольствие, хватался за него так, будто его можно удержать. Когда приходила похвала, хотел повторения. Когда приходило осуждение, хотел уничтожить источник. Теперь он сидит и видит: даже сильное ощущение меняется. Даже приятное не остается. Даже неприятное не является твердым камнем. Это знание постепенно охлаждает старую жадность и старую враждебность.

Конечно, на бумаге все выглядит проще, чем в комнате, где болит спина, ноет колено и ум шепчет: хватит, встань, сделай что-нибудь полезное. Здесь человек встречает не абстрактное страдание, а самое обыкновенное. И обнаруживает, что его привычка к бегству работает даже в малом. Неприятно - надо немедленно поменять позу. Скучно - надо открыть телефон. Тревожно - надо кому-то написать. Практика не требует жестокости к телу, но она показывает: мы редко различаем настоящую необходимость и каприз реакции.

Когда это различие растет, меняется повседневная жизнь. Человек слышит неприятные слова и не сразу отвечает. Не потому, что он подавил злость. Он просто заметил ее начало. Внутри поднялась волна, и он дал себе несколько секунд. Иногда этих секунд достаточно, чтобы не разрушить разговор. Иногда он все равно говорит резко, но уже быстрее видит вред. Это тоже продвижение. Старый путь занимал часы или дни: вспыхнул, наговорил, обидел, оправдался, устал. Новый путь сначала короче совсем чуть-чуть. Но он короче.

Не стоит ждать, что внутреннее наблюдение сделает жизнь удобной. Оно скорее сделает ее честной. Человек начнет видеть, как часто он ищет не правду, а подтверждение своей важности. Как обижается не на зло, а на то, что его не поставили в центр. Как помогает другим, а потом тайно ждет благодарности. Как говорит о принципах, но злится, если его принцип не заметили. Это неприятные открытия.

Но без них духовная жизнь превращается в украшение собственного образа. А украшенный образ не освобождает. Он только просит новой защиты.

Нравственная основа здесь не является внешним запретом ради порядка. Она нужна практически. Если человек продолжает обманывать, вредить, унижать, опьянять себя, его ум становится грубым и мутным. Потом он садится наблюдать дыхание и удивляется, что внутри буря. Но он сам весь день подбрасывал сухие ветки. Поэтому воздержание от вредных поступков не является украшением метода. Это условие, без которого ум слишком возбужден для глубокого видения. Человек, который меньше вредит другим, уже меньше мучает себя.

Это не значит, что нравственный человек всегда мягок. Мягкость без ясности часто превращается в удобную слабость. Нравственность требует трезвости: не лгать, когда ложь выгодна; не брать чужое, когда никто не видит; не использовать другого человека для своей страсти; не говорить словами, которые ранят без нужды; не заливать внутренний пожар веществами, после которых ум становится еще более зависимым. Такие правила кажутся простыми только тому, кто не пробовал соблюдать их внимательно. На практике они открывают весь склад наших оправданий.

Но если человек начинает жить чище, дыхание становится более доступным, внимание более ровным, совесть менее шумной. Он уже не тратит столько сил на прикрытие следов.

Внутреннее наблюдение становится не побегом от жизни, а продолжением честной жизни. Тогда даже ошибка используется иначе. Раньше ошибка служила поводом для самооправдания или самоненависти. Теперь она становится материалом: что я не заметил? Где реакция стала сильнее внимания? Какое ощущение я не выдержал? Что во мне требовало немедленной победы?

Такой подход делает человека ответственным, но не мрачным. Ответственность без мрака редка, однако именно она нужна. Я отвечаю за свой ум, потому что только я могу наблюдать его изнутри. Другие могут помочь, предупредить, объяснить, иногда остановить. Но никто не может вместо меня увидеть, как во мне рождается злость. Никто не может вместо меня остаться с неприятным ощущением и не превратить его в грубое слово. В этом смысле каждый человек действительно идет сам. Даже если рядом учитель, друзья и хорошие книги.

У этой самостоятельности есть еще одна сторона: нельзя превращать учителя в хозяина своей совести. Чужой опыт может вдохновить, но он не должен стать цепью. Всякое настоящее наставление возвращает человека к проверке. Посмотри. Испытай. Увидь, приносит ли это меньше жадности, меньше злости, меньше заблуждения. Если приносит, продолжай. Если ты только стал гордее, значит, ты взял не лекарство, а вывеску от лекарства. Вывески легко носить. Лекарство приходится принимать самому.

Люди часто спрашивают, можно ли научиться этому быстро. Вопрос понятен. Мы живем так, будто внутренняя работа должна подчиняться расписанию доставки. Десять минут - и спокойствие. Три упражнения - и новая жизнь. Но ум, который десятилетиями привык хватать и отталкивать, не меняется по рекламному обещанию. Он меняется от повторения правильного усилия. Не насильственного, не ленивого, а точного. Сегодня заметил дыхание. Сегодня увидел раздражение. Сегодня не ответил сразу. Сегодня признал зависть без украшения. Малые шаги накапливают силу.

При этом нельзя презирать начало. Многие ждут большой глубины и пропускают первую честность. А первая честность иногда выглядит так: я сел на пять минут и увидел, что почти все пять минут думал о другом. Хорошо. Теперь человек знает больше, чем раньше. В следующий раз он увидит момент ухода чуть раньше. Потом заметит, что перед уходом появляется легкое беспокойство. Потом увидит, что беспокойство имеет телесный вкус. Потом поймет, что оно тоже меняется. Так накапливается знание, которое нельзя получить из чужого рассказа.

Со временем практика касается отношений. Человек начинает слышать в чужом гневе не только нападение, но и страдание. Это не делает вредные поступки безобидными. Но когда видишь, что человек, кричащий на тебя, уже горит внутри, легче не подливать масла. Можно остановить его слова. Можно уйти. Можно сказать: так со мной нельзя. Но

внутри остается меньше желания ударить в ответ. Эта разница тонкая, зато решающая. Она отделяет защиту от мести.

То же происходит с собственным гневом. Раньше он казался оправданным почти всегда. Теперь видно, что оправдание приходит уже после вспышки и старается красиво ее одеть. Сначала в теле возник неприятный толчок, потом ум нашел историю, почему толчок святой и правильный. Наблюдение переворачивает порядок. Человек видит толчок раньше истории. И тогда история теряет часть власти. Может быть, в ней есть справедливая часть, но она уже не единственный голос в доме.

Внутренний покой нельзя купить внешним успехом. Это особенно ясно людям, которые получили многое. Деньги, должность, уважение, известность дают удобства и возможности. Они не уничтожают страх потерять, жадность получить еще, тревогу сравнения, боль от неудачи. Иногда они даже увеличивают эти вещи, потому что человеку есть что защищать. Он может спать в хорошей комнате и всю ночь спорить с тем, кто не оценил его заслуги. Значит, источник беспокойства глубже внешнего положения.

Бедность тоже не делает человека автоматически мудрым. Недостаток еды, жилья, безопасности приносит свою боль. Но и там ум работает по тем же законам: приятное хочет удержать, неприятное оттолкнуть, страх ищет опору, злость ищет виновного. Поэтому путь наблюдения универсален. Он не принадлежит богатым, у которых есть свободное время, и

не принадлежит бедным, которым нечего терять. Он принадлежит человеку, потому что у каждого человека есть дыхание, тело, ум и привычка страдать от собственной реакции.

Если практикующий начинает видеть это, в нем естественно появляется больше сострадания. Не сладкого, не показного, а практического. Он понимает: люди часто вредят не от избытка силы, а от рабства внутренним привычкам. Это понимание не отменяет ответственности. Вора надо остановить. Насилие надо пресекать. Ложь надо разоблачать. Но ненависть к человеку не помогает увидеть ситуацию яснее. Чаше она делает ум похожим на того, с кем он борется. Сострадание сохраняет зрение.

Наблюдение ощущений является следующим шагом после укрепления внимания на дыхании. Здесь человек еще глубже изучает связь ума и тела. Любая реакция оставляет телесный след. Приятное слово - тепло, расширение, легкость. Обидное слово - сжатие, жар, тяжесть. Иногда ощущения грубые, иногда почти незаметные. Задача не в том, чтобы выбрать приятные и прогнать неприятные. Задача в том, чтобы видеть все равным вниманием и помнить: это тоже меняется. Так старый механизм получает новый ответ.

Старый механизм прост: приятное - хочу еще; неприятное - не хочу. На этом построено множество наших решений. Мы называем их принципами, вкусом, характером, но внутри часто работает именно эта пара. Хочу. Не хочу. Человек строит вокруг нее биографию. Он выбирает людей, дела,

развлечения, даже убеждения так, чтобы кормить приятное и избегать неприятного. Но жизнь не обязана подчиняться этой схеме. Приятное уходит, неприятное приходит. И если ум не обучен, он каждый раз падает в одно и то же.

Новая тренировка не уничтожает способность радоваться. Это важное уточнение. Некоторые боятся, что равновесие сделает их холодными. Но равновесие не является мертвотой. Когда человек перестает судорожно хвататься за приятное, он может яснее его видеть. Чай становится просто чаем, разговор - разговором, прогулка - прогулкой. В радости меньше страха потерять ее. А когда приходит боль, в ней меньше лишнего сопротивления. Боль остается болью, но ум не строит вокруг нее вторую боль, третью, десятую.

Практика также учит терпению к постепенности. Сегодня человек увидел одну реакцию, завтра пропустил три, послезавтра снова увидел. Так и идет работа. Нельзя требовать от себя мгновенной святости. Такое требование обычно рождает новую гордость или новую ненависть к себе. Лучше держаться простого дела: не вредить, насколько можешь; наблюдать дыхание; замечать ощущения; возвращаться к равновесию; исправлять ошибки без театра. В этом мало внешнего блеска, зато много надежности.

Иногда на пути поднимаются старые слои. Человек сел успокоиться, а получил беспокойство. Хотел тишины, а поднялась давняя обида. Хотел света, а увидел зависть. Это не обязательно плохой знак. Когда рану начинают очищать, вы-

ходит то, что было внутри. Если испугаться и бросить работу, гной останется. Если наблюдать с разумной осторожностью, не подавляя и не разыгрывая, старое постепенно теряет силу. Нужно только не путать процесс очищения с поражением.

Есть люди, которые любят необычные переживания. Им хочется увидеть свет, услышать внутренний звук, почувствовать особую силу. Такое может случаться, а может и нет. Но стремление к этому легко становится новой жадностью. Человек меняет обычные удовольствия на более тонкие, а корень остается прежним: дай мне приятное, дай мне доказательство моей исключительности. Настоящая проверка проще. Стало ли меньше злости? Меньше лжи? Меньше страха признать ошибку? Больше ли пользы от твоих слов? Если нет, красивые переживания мало стоят.

В обычном дне есть много возможностей для проверки. Очередь в магазине. Задержка транспорта. Неловкий разговор. Чужая медлительность. Собственная усталость. Каждый раз тело что-то показывает, ум что-то добавляет, старая привычка предлагает готовый ответ. Практикующий не должен ждать идеальной тишины. Конечно, для глубокого обучения нужна защищенная обстановка и опытный наставник. Но после этого вся жизнь становится местом применения. Иначе метод останется в зале для медитации, а человек останется прежним там, где действительно трудно.

Особенно ясно это видно в семье. С чужими людьми мно-

гие держатся прилично. Дома маска тоньше. Там всплывает усталость, ожидание благодарности, желание командовать, детская обида, старые счета. Если человек говорит о внутреннем мире, а дома все боится его настроения, ему стоит начать именно там. Не с обвинения домашних, а с наблюдения себя. Какой тон появляется в голосе? Что происходит в теле перед резкой фразой? Почему просьба близкого человека воспринимается как нападение? Такие вопросы неприятны, но плодотворны.

На работе проверка другая. Там часто действует страх оценки. Человек хочет выглядеть компетентным, незаменимым, правым. Ошибка коллеги раздражает не только потому, что мешает делу, но и потому, что угрожает нашему образу порядка. Замечание начальника ранит не только по существу, но и по самолюбию. Если это увидеть, можно работать собраннее. Не мягче там, где нужна строгость, и не жестче там, где достаточно ясности. Внутреннее наблюдение не мешает эффективности. Оно убирает лишний дым.

Есть еще общественная жизнь, где гнев легко получает красивое название. Люди объединяются вокруг справедливых целей, а потом незаметно начинают наслаждаться ненавистью к противнику. Они говорят о мире, но внутри кипят. Говорят о достоинстве, но унижают. Говорят о правде, но выбирают только удобные факты. Это не значит, что надо уйти от общественных дел. Это значит, что без очищения ума даже хорошая цель может быть испачкана способом ее

защиты. История слишком часто это показывала.

Поэтому внутренняя работа нужна не для ухода от мира, а для более честного участия в нем. Человек с ясным умом видит страдание резче, а не слабее. Он не закрывает глаза. Но он меньше нуждается в том, чтобы ненавидеть виновного ради ощущения собственной правоты. Он может действовать долго, потому что не сгорает так быстро. Он умеет слушать, потому что не всякое несогласие воспринимает как оскорбление. Он способен признать ошибку, потому что его достоинство уже не держится только на победе в споре.

В этой книге мы будем снова и снова возвращаться к опыту. Слова закон природы могут звучать отвлеченно, пока человек не увидит их в себе. Но когда он ясно заметит: злость возникла - я уже страдаю; жадность возникла - я уже беспокоен; страх возник - я уже сжат, тогда закон становится очевидным. Он не требует веры. Он похож на огонь. Коснулся - обжегся. Увидел - стал осторожнее. Так рождается мудрость, которая не нуждается в громком голосе.

Важнее всего не отложить этот труд до удобного времени. Удобное время редко приходит. Всегда есть дела, усталость, чужие просьбы, новости, здоровье, деньги, погода. Но дыхание уже здесь. Тело уже здесь. Реакции уже здесь. Можно начать с малого и начать сегодня. Несколько минут честного наблюдения лучше, чем длинные планы о будущей чистоте ума. Один остановленный грубый ответ лучше, чем час рассуждений о любви. Одна замеченная волна зависти лучше,

чем красивая речь о свободе.

И все же не стоит превращать практику в новую причину для напряжения. Усердие нужно, но усердие без равновесия быстро становится насилием. Человек давит на себя, сравнивает себя с другими, считает успехи, боится отката. Это опять старая игра приятного и неприятного. Правильное усилие спокойнее. Оно похоже на возвращение к дороге после каждого шага в сторону. Без крика. Без торга. Без самодовольства. Просто возвращение.

Первое возвращение к себе начинается не тогда, когда человек понял все. Оно начинается, когда он впервые честно увидел одну реакцию и не стал полностью ее рабом. Пусть на секунду. Пусть в мелочи. В этой секунде уже есть направление. Из таких секунд складывается новая жизнь. Не эффектная, не удобная для рассказа, но настоящая. Человек меньше обвиняет мир за каждый свой пожар и больше учится не поджигать себя. А когда он меньше горит сам, рядом с ним другим становится легче дышать.

Я часто думаю, что самая большая трудность здесь состоит не в сложности метода, а в нашей любви к сложностям. Простое кажется нам недостойным. Мы хотим особого языка, тайного ключа, редкого посвящения. А нам говорят: посмотри на дыхание, посмотри на ощущение, посмотри на реакцию. Ум обижается. Он привык считать себя тонким, образованным, исключительным. Ему хочется задачи под стать его образу. Но болезнь простая: слепая реакция. И лекарство

должно прийти туда, где эта реакция возникает, а не туда, где мы о ней красиво рассуждаем.

Если человек будет честен, он заметит, что в течение дня почти все время что-то оценивает. Это нравится, это не нравится. Этот человек полезен, этот мешает. Здесь меня оценили, здесь не заметили. Эта еда хорошая, эта хуже. Эта новость приятная, эта пугает. Оценка сама по себе не беда. Беда начинается, когда ум немедленно цепляется за оценку и превращает ее в приказ страдать. Наблюдение не лишает человека способности различать. Оно лишает оценку права мгновенно захватывать весь дом.

В этом смысле практика очень земная. Она не просит верить в то, что нельзя проверить. Она просит проверить то, что обычно пропускается. Как меняется дыхание при страхе? Какую цену я плачу за раздражение? Что происходит после лжи, даже маленькой? Почему приятная похвала через некоторое время превращается в желание новой похвалы? Почему обида любит повторение? Ответы на эти вопросы лежат не в чужой биографии, а в собственной коже, дыхании, памяти, голосе.

Когда человек начинает так смотреть, он становится менее легкой добычей для тех, кто продает быстрые утешения. Ему уже мало обещаний. Он знает: если после красивого обряда я стал только гордее, дело плохо. Если после умной книги я презираю тех, кто ее не читал, пользы мало. Если после разговора о любви я стал требовательнее к любви других и

менее внимателен к своей грубости, значит, я опять свернул в сторону. Настоящий труд всегда возвращает к проверке в собственном поведении.

Конец первой главы должен быть не выводом, а приглашением к опыту. Сегодня, когда возникнет маленькое раздражение, не спеши объяснять его. На мгновение почувствуй дыхание. Почувствуй тело. Не подавляй реакцию, но и не отдавай ей сразу руки и язык. Посмотри, как она устроена. Может быть, ты увидишь совсем немного. Этого достаточно для начала. Внутренняя свобода не приходит как громкое событие. Она входит через такие малые, почти незаметные двери.

Глава 2. Закон, который не спорит

Человек любит спорить с тем, что ему не нравится. Он спорит с погодой, с родными, с соседями, с правительством, с собственным телом, с возрастом, с чужой глупостью, с чужой наглостью. Он спорит даже тогда, когда спорить уже поздно: слово сказано, дверь хлопнула, письмо отправлено, лицо напротив закрыто. Но есть вещи, с которыми спорить бесполезно. Если рука попала в огонь, огонь не будет слушать доводы. Он не спросит, к какой вере принадлежит человек, какой у него чин, сколько у него денег, кто его уважает и кто боится. Он просто обожжет.

Так устроена и внутренняя жизнь. Мы можем сколько угодно объяснять себе, почему имели право разозлиться, обидеться, завидовать или презирать. Объяснения бывают убедительные. Иногда они почти безупречны. Другой действительно поступил грубо. Случай действительно был несправедлив. Слова действительно были сказаны такие, что спокойно их проглотить трудно. Но внутренний закон от этого не меняется. Как только в уме появляется злоба, первым страдает тот, кто ее породил. Не тот, на кого она направлена. Сначала страдает сам человек.

Вот это место обычно пропускают. Мы говорим о моральной стороне: хорошо ли злиться, красиво ли злиться, прости-тельно ли злиться. Мы спрашиваем, прав я или не прав. Но

практика начинается раньше морали. Она спрашивает проще: что происходит во мне в этот самый момент? Не в моей теории о себе, а в теле, в дыхании, в лице, в животе, в груди. Что происходит, когда я называю другого дураком, даже если произнес это только мысленно? Что происходит, когда я вспоминаю обиду и снова прокручиваю ее, как будто в десятый раз можно выиграть спор, который уже закончился?

Если человек честно смотрит, он увидит: спокойствия нет. Дыхание меняется. Внутри появляется жар, сжатие, тяжесть, суета. Мы привыкли замечать только историю: кто что сделал, кто что сказал, кто виноват. Но рядом с историей всегда идет другая правда, более близкая. Тело уже знает, что ум испачкался. Дыхание уже выдает его. Не надо верить никому на слово. Надо однажды сесть и посмотреть.

Многие боятся такого слова: посмотреть. Кажется, будто это слишком просто. Ведь мы привыкли, что серьезная духовная работа должна быть украшена, усложнена, окружена особой лексикой. Должны быть необычные слова, особые формулы, обещания, тайные объяснения. А здесь человек садится и наблюдает дыхание. Потом наблюдает ощущения. И от этого кому-то становится смешно. Неужели в этом может быть ответ на страдание, которое человек носит годами? Неужели так можно подойти к гневу, страху, ревности, жадности?

Смешно становится только до первой честной встречи с собой. Потому что дыхание, если его не трогать, быстро по-

казывает состояние ума. В спокойный момент оно одно. В момент раздражения другое. При страхе одно, при желании другое, при стыде третье. Мы можем сделать вид, что ничего не происходит, но дыхание уже не делает вид. Оно ближе к правде, чем наши объяснения.

Я не говорю о дыхательных упражнениях. В этом как раз часто начинается путаница. Человек слышит: наблюдай дыхание, и тут же хочет его исправлять. Дышать глубже, ровнее, красивее, благороднее. Он снова становится начальником. Даже дыхание не может оставить в покое. Но в такой практике задача другая. Не управлять. Не украшать. Не делать дыхание духовным. Видеть его таким, какое оно есть. Если оно короткое, знать, что оно короткое. Если длинное, знать, что длинное. Если грубое, грубое. Если едва заметное, едва заметное.

Почему это важно? Потому что вся наша беда в том, что мы почти никогда не видим реальность прямо. Мы добавляем к ней страх, надежду, привычку, старую память, чужие слова, собственные требования. Даже простой звук за окном становится поводом для целой истории. Сосед хлопнул дверью. Через секунду в уме уже собралась жалоба: люди разучились жить, никого не уважают, я всегда терплю, никто не считается. Дверь хлопнула один раз, а внутри человек хлопает ею еще двадцать минут.

Практика начинает с малого, потому что с большого мы обычно только воюем. Она не требует сразу любить врагов,

прощать прошлое, понимать всех людей и улыбаться при унижении. Такие слова легко произнести, особенно перед другими. Труднее заметить одну вещь: сейчас во мне поднялась неприятная волна, и я уже готов кормить ее мыслями. Если в этот момент человек может остановиться хотя бы на несколько секунд и увидеть дыхание, увидеть ощущение в теле, он уже сделал больше, чем обычно делал всю жизнь.

Внешне это незаметно. Никто не аплодирует. Лицо может оставаться тем же. Человек не становится святым на глазах у семьи. Но внутри меняется направление. Раньше он сразу бежал за реакцией. Теперь он хотя бы иногда задерживается у факта. Вот неприятное слово. Вот сжатие в груди. Вот желание ответить резко. Вот рука тянется написать лишнюю фразу. Вот дыхание стало тяжелым. Между событием и поступком появилась маленькая щель. Через нее входит разум.

Эта щель сначала почти смешная. Она длится мгновение и тут же закрывается. Но если человек работает, она растет. Не потому, что он стал добрым по приказу. Не потому, что выучил красивое правило. Он начинает на собственном опыте понимать цену реакции. Раньше anger, гнев, казался силой. Теперь он видит, что гнев первым делом поджигает его самого. Раньше обида казалась защитой достоинства. Теперь видно, что она держит человека на цепи у того, кто, может быть, давно ушел пить чай и ни о чем не думает.

Один человек может сказать: если не злиться, люди сядут на шею. Это обычный страх. Он появляется потому, что мы

путаем злобу с ясностью. Можно быть твердым без ненависти. Можно сказать нет без внутреннего яда. Можно остановить несправедливость и при этом не выращивать в себе желание унижить другого. На практике это труднее, чем звучит. Но именно поэтому и нужна работа с собой, а не только разговоры о добре.

Злоба часто выдает себя за силу. Особенно у людей деятельных, привыкших принимать решения. Они знают, как надавить, как заставить, как добиться. И когда внутри поднимается жар, они называют его энергией. Но если посмотреть внимательнее, там часто не энергия, а беспорядок. Человек говорит лишнее, преувеличивает, не слышит деталей, принимает врага за всякого, кто не согласился. Потом ему приходится исправлять то, что он сам же испортил. Бывает, он даже побеждает в споре, но теряет доверие.

Внутренний закон не интересуется тем, победил ли человек внешне. Он смотрит на другое: что стало с умом? Если ум стал грубее, человек проиграл в более важном месте. Если ум сохранил ясность, даже трудная ситуация не разрушила его. Здесь нет мистики. Каждый, кто хоть раз молчал в момент, когда мог ударить словом, знает вкус этой победы. Она тихая, но настоящая. После нее не хочется бегать и доказывать всем, какой ты правый. Просто внутри меньше дыма.

Слова о законе природы могут звучать холодно. Но в них много милости. Если бы внутренний мир зависел от чужой милости, человек был бы безнадежно беден. Сегодня один

похвалил, завтра другой обругал. Сегодня дело удалось, завтра сорвалось. Сегодня тело здорово, завтра заболело. Если счастье целиком зависит от этого, у человека нет опоры. Он живет как лист на ветру и еще гордится тем, что умеет громко шуршать.

Но если причина страдания хотя бы в значительной мере находится внутри реакции, появляется работа. Трудная, неприятная, но возможная. Нельзя приказать миру быть удобным. Нельзя запретить людям ошибаться. Нельзя отменить старость, болезнь, потерю. Зато можно учиться не добавлять к боли еще один слой, созданный собственным умом. Боль может прийти. Но мучение часто размножается нашим отношением к боли. Это надо увидеть самому, иначе фраза останется фразой.

Например, человек заболел. Есть физическое ощущение: слабость, жар, ломота. Это уже неприятно. Но ум быстро добавляет: почему со мной, сколько можно, теперь все пропало, никто не поможет, я всегда невезучий. Тело болит один раз, ум болит сотню раз. Практика не делает вид, что болезни нет. Она учит различать. Вот физическое ощущение. Вот страх. Вот жалость к себе. Вот раздражение. Вот мысль, которая снова подбрасывает дрова. Когда человек различает, он уже не полностью захвачен.

То же самое в обиде. Есть событие. Кто-то сказал грубо. Это произошло за десять секунд. Но память превращает эти десять секунд в дом, где человек живет неделями. Он про-

сыпается и входит туда. Едет в автобусе и входит туда. Моет посуду и снова спорит с тем же голосом. Он называет это памятью, но часто это повторное самоотравление. Випассана, если говорить простыми словами, зовет человека выйти из этой комнаты и посмотреть, что происходит прямо сейчас. Не в вчерашнем разговоре, а здесь, в дыхании и ощущениях.

Сначала ум не хочет. Ему интереснее обвинять. Обвинение дает грубое удовольствие. Оно делает человека на минуту выше другого. Я прав, он виноват. Я чист, он грязен. Но это удовольствие быстро требует новой порции. Поэтому люди годами рассказывают одну и ту же историю, слегка меняя подробности, чтобы снова почувствовать себя пострадавшими и правыми. Они не замечают, что история уже не помогает им жить. Она просто удерживает старую боль в тепле.

Здесь полезно быть строгим к себе, но без ненависти. Самобичевание тоже форма гордости, только перевернутая. Человек говорит: я ужасен, я никуда не годен, во мне одна грязь. На вид смиренно, а по сути опять все внимание на себе. Практика не просит разыгрывать трагедию. Она просит работать. Возник гнев, наблюдай. Возник страх, наблюдай. Возникло желание похвалы, наблюдай. Возникла зависть, наблюдай. Не оправдывай, не украшай, не дави. Смотри, как оно появляется в уме и теле, как меняется, как проходит.

Слово проходит здесь решающее. Неприятное ощущение кажется вечным, пока человек в него верит. Злость кажется справедливой и твердой, пока он ее кормит. Но если смот-

реть достаточно спокойно, обнаруживается простая вещь: все меняется. Сжатие усилилось, потом ослабло. Жар поднялся, потом ушел. Мысль вернулась, потом потеряла силу. Ничто не стоит на месте. Ум, который видел это тысячу раз, уже не так легко обмануть. Он знает: и это пройдет. Не как утешение, а как проверенный факт.

В этом месте человек начинает понимать, почему одних рассуждений мало. Можно читать о непостоянстве, соглашаться, цитировать, объяснять другим. Но когда приходит собственная боль, все цитаты часто рассыпаются. Тело верит не цитатам, а привычке. Если привычка была реагировать, оно будет реагировать. Поэтому нужна тренировка на уровне, где привычка живет. Не только в голове. В ощущениях. В дыхании. В той темной части ума, которая не рассуждает, а хватается приятное и отталкивает неприятное.

Эта часть ума работает весь день. Человек говорит: я спокоен, а внутри уже пошла реакция. Он говорит: мне все равно, а сердце стучит быстрее. Он говорит: я не завидую, а живот сжался. Он говорит: я простил, а при имени этого человека лицо меняется. Не надо себя за это ненавидеть. Надо перестать обманываться. Честность здесь не грубая и не показная. Она тихая: да, во мне это есть. Теперь посмотрим, как оно устроено.

Один из больших вредов духовных разговоров в том, что они легко дают человеку красивую картину себя. Он говорит о сострадании, но дома не может спокойно выслушать близ-

кого. Он говорит о свободе, но зависит от чужой оценки. Он говорит о мире во всем мире, но внутри семьи создает маленькую войну за правоту. Слова не виноваты. Просто слово без практики быстро становится маской. А маска, даже благородная, мешает лечению.

Поэтому настоящий путь часто выглядит менее торжественно, чем ожидалось. Человек сидит и замечает, что его ум бежит как испуганная обезьяна. Вчерашнее, завтрашнее, приятное, неприятное, планы, сожаления, разговоры, лица, деньги, тело, еда, обида, гордость. Он хотел найти свет, а нашел склад старых привычек. Это хороший знак. До этого склад тоже был, просто хозяин не заходил туда с лампой.

Когда лампа включена, сначала видно пыль. Многие на этом разочаровываются. Они думали, что медитация сразу даст покой. А она показывает беспокойство. Думали, что станет легче. А стало ясно, насколько много внутри напряжения. Но врач, который вскрыл рану, не сделал человека больным. Он показал то, что уже было. Если в ране гной, он должен выйти. Если в уме накоплена злость, страх, жадность, они не исчезнут от красивого настроения. Их надо увидеть, не убегаая.

Тут нужна терпеливость. Не вялая, не сонная, а рабочая. Человек снова и снова возвращает внимание к дыханию. Снова и снова замечает ощущения. Снова и снова учится не бросаться на приятное и не отталкивать неприятное. Внешне это похоже на однообразие. Внутри это переписывание

старого закона поведения. Раньше приятное означало: хочу еще. Неприятное означало: уберите немедленно. Теперь появляется новая возможность: приятное есть, я знаю. Неприятное есть, я знаю. Я не обязан сразу становиться рабом.

Свобода начинается именно так, без фанфар. Не с громких решений изменить жизнь с понедельника. Не с обещания никогда больше не сердиться. Такие обещания обычно держатся до первого удобного повода. Свобода начинается с одного наблюденного импульса, которому не дали превратиться в действие. Хотел ответить ядовито, заметил жар, промолчал, подождал. Хотел съесть лишнее от тревоги, заметил тревогу, посидел минуту. Хотел пожаловаться, заметил привычное удовольствие жалобы, остановился. Небольшие вещи. Но из них складывается другой человек.

При этом нельзя превращать наблюдение в трусость. Некоторые слышат о равновесии и думают, что теперь надо терпеть любую несправедливость, быть мягким со всяким грубияном, отказываться от действия. Это неверно. Равновесие нужно не для того, чтобы спрятаться, а для того, чтобы действовать точнее. Врач, который дрожит от злости, хуже держит инструмент. Судья, захваченный личной неприязнью, хуже различает факты. Родитель, кипящий от обиды, хуже помогает ребенку. Спокойствие не отменяет действия. Оно очищает его.

Если в доме пожар, надо тушить. Не надо садиться рядом и философски наблюдать пламя. Но если внутри поднялась

паника, она мешает тушить. Если человек видит панику, он может действовать быстрее и разумнее. Так и с жизнью. Есть внешние задачи: защитить, сказать, исправить, уйти, потребовать, построить, заработать, накормить, вылечить. Практика не отнимает эти задачи. Она убирает лишний яд, который мы обычно добавляем к делу.

В этом смысле внутренний мир не отделен от обычной жизни. Он проверяется именно там. На кухне, в очереди, в письме, в рабочем разговоре, в семейном споре, в болезни, в усталости. Легко быть спокойным в тихой комнате, когда никто не трогает. Но если это спокойствие совсем не выходит за дверь, значит, работа еще только началась. Ничего страшного. Все начинается с комнаты. Но цель не комната. Цель в том, чтобы человек жил иначе среди людей.

Есть еще одна распространенная ошибка: ждать особых переживаний. Свет, восторг, необычные состояния, доказательства, что путь настоящий. Ум любит ярмарку. Ему скучно просто наблюдать дыхание, просто видеть ощущения, просто не реагировать. Он хочет награды. Но охота за переживаниями снова превращает практику в старую игру: дай приятное, дай необычное, дай мне почувствовать себя особенным. Тогда человек может уйти далеко от простого закона. Он вроде медитирует, а на самом деле снова кормит craving, жажду приятного.

Хорошая практика делает человека проще. Не примитивнее, а проще. Он меньше нуждается в том, чтобы выглядеть

духовным. Меньше рассказывает о своих состояниях. Меньше спорит о словах. Его интересует, уменьшается ли грубость в речи, становится ли больше ясности в поступках, меньше ли он ранит близких, быстрее ли выходит из раздражения, честнее ли видит свой страх. Такие результаты не бросаются в глаза как чудо. Зато они меняют жизнь.

Я знал людей, которые могли говорить о высоком часами, но прислуге, продавцу или подчиненному отвечали так, будто перед ними не человек. И знал других, которые почти ничего не объясняли, но рядом с ними становилось легче дышать. Не потому, что они изображали доброту. В них было меньше внутреннего шума. Когда человек не несет в себе постоянной войны, это чувствуют даже те, кто не знает никаких терминов.

Такой человек не обязательно мягкий. Иногда он говорит строго. Иногда отказывает. Иногда уходит. Иногда ставит границу. Но в его строгости меньше желания уничтожить. Это важная разница. Мы часто не различаем ее, потому что привыкли мерить все внешней формой. Сказал тихо, значит добрый. Сказал твердо, значит злой. На деле бывает наоборот. Тихая речь может быть полна презрения. Твердая речь может исходить из заботы и ясности. Практика учит смотреть глубже формы, прежде всего в себе.

Пока человек не видит себя, он все время судит мир. Мир, конечно, дает богатый материал. В нем хватает жестокости, глупости, обмана. Но если смотреть только туда, собствен-

ный ум остается без присмотра. Тогда борец с чужой жестокостью сам становится жестким. Обличитель чужой лжи начинает лгать ради хорошей цели. Защитник мира приносит в каждый разговор войну. Это не редкость. Добрые идеи не спасают от нечистого ума. Их даже можно использовать как оправдание.

Вот почему работа начинается с собственного дыхания. Это смиряет. Не унижает, а возвращает на землю. Перед тем как исправлять человечество, посмотри, можешь ли ты пять минут быть с реальностью без бегства. Перед тем как требовать мира от народов, посмотри, что происходит в тебе, когда сосед говорит неприятное. Перед тем как говорить о любви, посмотри, как быстро в тебе появляется презрение к тому, кто думает иначе. Так начинается честность.

Кто-то спросит: разве это не слишком мало перед большими бедами мира? Войны, бедность, разрушение природы, жестокость, зависимость, одиночество. Что значит одно дыхание перед всем этим? Вопрос понятный. Но большие беды создают не абстрактные существа. Их создают умы людей: жадные, испуганные, озлобленные, ослепленные своей правотой. Если ум не меняется, внешние системы снова наполняются старым ядом. Законы нужны, учреждения нужны, помощь нужна. Но человек, который несет в себе ненависть, найдет способ испортить даже хорошее устройство.

Это не повод уйти от общественной жизни. Наоборот, человек с более чистым умом нужнее в деле. Он меньше подда-

ется толпе. Меньше покупается на крик. Меньше ищет врага, чтобы почувствовать себя праведным. Он может работать долго, потому что его не так быстро сжигает злоба. Он видит, что другой тоже часто действует из невежества и боли. Это не оправдывает вред. Но помогает не превращать борьбу с вредом в новую фабрику ненависти.

В обычном разговоре это видно просто. Один человек спорит, чтобы понять. Другой спорит, чтобы победить и оставить на другом след. Первый может слушать. Второй ждет, когда ударить. Первый меняет мнение, если увидел факт. Второй только собирает оружие. Практика не делает всех одинаково вежливыми. Но она постепенно показывает, сколько в наших словах скрытой агрессии. Мы называем ее принципиальностью, остроумием, честностью. Иногда это правда. Часто это просто желание уколоть.

Наблюдение ощущений очень помогает в такие минуты. Пока мы живем только в словах, ум легко оправдывает удар. Но тело не лжет так ловко. Перед едкой фразой есть напряжение. Перед вспышкой есть жар. Перед обвинением есть внутренний наклон вперед, как будто человек уже бросается. Если это заметить, можно остановиться. Не всегда. Не сразу. Но можно. И каждая такая остановка учит больше, чем длинная лекция о доброте.

Надо понимать: старые привычки не отдают власть радостно. Они будут возвращаться. Человек посидел утром спокойно, а вечером сорвался. Он решил наблюдать, а через

час уже спорит в голове. Он увидел зависть, а потом завидует тому, кто, как ему кажется, лучше медитирует. Ум хитрый. Он умеет использовать даже лекарство для болезни. Поэтому путь требует юмора, но не легкомыслия. Упал, увидел, поднялся, продолжил. Без торжественной ненависти к себе.

Иногда люди спрашивают, сколько нужно времени. Вопрос понятный, но в нем спрятана торговля. Я дам десять дней, месяц, год, а что получу? В обычных делах так можно считать. Внутренняя работа глубже. Каждый честный шаг уже дает результат, но старый запас не исчезает по расписанию. Сколько лет человек кормил раздражение, страх, желание, гордость? Сколько раз повторял одну и ту же реакцию? Странно ждать, что все рассыплется за несколько спокойных вечеров. Но еще страннее ничего не делать, потому что путь долгий.

Десять дней строгой практики нужны не для красивой цифры. Человеку трудно вырваться из привычной суеты. Дома он все время остается прежним: телефон, разговоры, дела, обязанности, роли. Он только сел, уже вспомнил, что надо ответить. Только закрыл глаза, уже пошел проверять новости. Уединенная дисциплина нужна как больница для ума. Не потому, что жизнь плоха, а потому, что операция требует условий. Потом человек возвращается в жизнь. Но впервые он возвращается с инструментом.

Инструмент простой: моральность, сосредоточение, мудрость. Не как три слова для плаката, а как последователь-

ная работа. Если человек продолжает вредить телом и речью, ум будет грубеть. Поэтому сначала надо хотя бы удерживаться от явного вреда. Потом надо собрать ум, иначе он не сможет смотреть глубоко. Рассеянный ум видит только верхний слой. И наконец надо наблюдать собственную реальность, чтобы старые реакции потеряли силу. Без последнего шага спокойствие легко становится подавлением.

Подавление часто путают с выдержкой. Человек сжал зубы, промолчал, внутри все кипит. Снаружи порядок, внутри склад пороха. Рано или поздно вспыхнет. Или превратится в болезнь, усталость, холодность. Випассана предлагает другой ход. Не выражай вредно, но и не прячь слепо. Наблюдай. Дай реакции проявиться как ощущению, не превращая ее в поступок. Так она теряет пищу. Это тонкая работа, и ее невозможно заменить советом: просто успокойся.

Слово просто часто бывает жестоким. Просто не злись. Просто отпусти. Просто не думай. Тот, кто так говорит, обычно не видит глубины привычки. Если бы человек мог просто не злиться, он бы давно не злился. Поэтому практика уважает трудность. Она не ругает ум за то, что он обусловлен. Она показывает способ выйти из обусловленности, шаг за шагом. И этот способ проверяется не верой, а опытом.

Опыт постепенно делает человека независимее от споров о названии. Называет ли кто-то это медитацией, самонаблюдением, тренировкой ума, наукой о себе, не так важно. Важно, уменьшается ли страдание. Важно, становится ли меньше

слепой реакции. Важно, может ли человек в трудную минуту не добавлять в мир новую порцию злобы. Названия полезны, пока указывают дорогу. Когда они становятся знаменем для гордости, они мешают.

Я видел, как люди спорят о духовных словах с таким лицом, будто защищают последнюю истину. Один говорит: правильно только так. Другой отвечает: нет, только иначе. Третий уже презирает обоих. Если присмотреться, у всех троих дыхание тяжелое, ум возбужден, тело напряжено. Какая польза от правильного слова, если оно рождает неправильное состояние? Лучше меньше спорить о чаше и больше пить воду.

Вода здесь очень обычная: увидеть, что всякая реакция имеет телесную сторону; увидеть, что всякое ощущение меняется; учиться не быть рабом приятного и неприятного. День за днем. Не на сцене. Не ради образа. Когда никто не видит. Когда не хочется. Когда кажется, что результата нет. Именно там и строится новая привычка.

Потом однажды человек замечает странную вещь. Ситуация, которая раньше мгновенно взрывала его, теперь только задела. Он все еще почувствовал неприятное. Но не ушел за ним полностью. Или ушел, но вернулся быстрее. Или сказал резкое, но заметил это без долгого самооправдания и попросил прощения. Маленькие признаки. Они честнее великих заявлений. По ним видно, что закон начал работать в другую сторону.

Ведь закон природы не только наказывает. Он и поддерживает. Если ум загрязняется, приходит страдание. Если ум очищается, приходит покой. Не как награда от внешнего судьи. Просто так устроено. Когда в комнате открывают окно, воздух меняется. Когда человек перестает кормить ненависть, внутри становится легче. Когда он действует с доброжелательностью, даже трудное действие не оставляет такого тяжелого следа. Это можно проверить.

Проверка важна. Без проверки человек снова попадет в зависимость от авторитетов. Один мудрый сказал, другой святой подтвердил, книга написала, традиция сохранила. Все это может помочь, но не заменит собственного видения. Если человек сам не видел, он легко становится фанатиком чужих слов. Если видел, он уважает слова, но не держится за них мертвой хваткой. Он знает вкус воды, а не только описание источника.

Такой опыт делает отношение к другим мягче. Не сентиментальнее, а человечнее. Когда видишь собственную злость, труднее изображать чистого судью. Когда видишь собственный страх, легче понять чужую грубость. Когда видишь, как трудно изменить одну привычку, меньше хочется требовать мгновенного совершенства от всех вокруг. Это не значит закрывать глаза на вред. Это значит действовать без лишнего высокомерия.

Высокомерие в духовной жизни опаснее грубой ошибки. Грубую ошибку иногда видно сразу. Высокомерие умеет оде-

ваться в правильные слова. Человек думает: я практикую, а они нет; я понимаю, а они спят; я очищаюсь, а они живут грубо. И вот он снова разделил мир на себя высокого и других низких. Внутренний яд просто сменил одежду. Поэтому полезно постоянно возвращаться к простому наблюдению. Что сейчас в уме? Есть ли презрение? Есть ли желание быть выше? Есть ли тонкая жажда признания?

Если есть, это не катастрофа. Это материал для работы. Практика вообще перестает делить жизнь на удобную и неудобную для пути. Все становится материалом: похвала, ругань, скука, боль, успех, провал, одиночество, шум, усталость. Приятное учит не цепляться. Неприятное учит не отталкивать. Неопределенное учит не засыпать. Так обычная жизнь перестает быть помехой и становится полем проверки.

Но чтобы жизнь стала полем проверки, нужна ежедневность. Без нее все быстро превращается в воспоминание о хорошем курсе, хорошей книге, хорошем разговоре. Ум любит сувениры. Он может хранить их годами и почти не меняться. Ежедневная практика возвращает к делу. Пусть немного, но честно. Сесть. Увидеть дыхание. Увидеть ощущения. Увидеть бегство ума. Вернуться. Не устраивать себе спектакль. Не ждать особого настроения. Чистить ум так же просто, как чистят зубы, только внимательнее.

В этом нет унижения для разума. Наоборот, разум наконец получает факты. Не общие мнения о человеке, а прямые данные: вот так возникает реакция, вот так она держится,

вот так ослабевает. Разум, соединенный с опытом, становится мудростью. Разум без опыта часто становится спорщиком. Он ловко объясняет, но плохо освобождает. Мудрость меньше шумит и лучше видит.

Когда человек начинает видеть, его речь меняется. Он не обязательно становится молчуном. Но слова уже не так легко высказывают без присмотра. Он понимает, что слово может нести состояние ума. Та же фраза, сказанная с раздражением, ранит. Сказанная спокойно, помогает. Поэтому работа с речью не сводится к подбору вежливых выражений. Надо смотреть на корень. Какая воля стоит за словом? Хочу помочь или хочу победить? Хочу прояснить или хочу уколоть? Хочу защитить правду или защитить свое лицо?

Эти вопросы неприятны. Но без них человек остается актером собственной правоты. Он может говорить правильные вещи и все равно сеять вокруг напряжение. А может сказать мало, но из чистого намерения, и это попадет точнее. Внутреннее состояние не всегда видно сразу, но оно действует. Семья это знает лучше любых философов. Дети особенно быстро чувствуют, когда взрослый говорит мягко, а внутри кипит. Они слышат не только слова. Они слышат человека.

Поэтому путь к миру начинается не с лозунга, а с честного внимания. Мир в доме, мир в обществе, мир между людьми невозможен без людей, которые хотя бы немного умеют не быть рабами собственной реакции. Иначе каждый несет с собой коробку спичек и удивляется пожарам. Мы говорим:

пусть они изменятся. Но закон природы не принимает такую отсрочку. Если я сейчас создаю злобу, я сейчас горю. Если я сейчас очищаю ум, я сейчас приношу в мир меньше дыма.

Это не красивая мысль для завершения разговора. Это практическая вещь. Сегодня кто-то скажет неприятное. Сегодня что-то пойдет не по плану. Сегодня тело устанет, ум захочет жаловаться, память подкиннет старый спор. Вот там и будет проверка. Не в том, как мы рассуждаем о законе, а в том, заметим ли мы его работу в себе. Огонь обжигает сразу. Злоба тоже. Чистый ум дает облегчение сразу. Пусть маленькое, но настоящее.

И если человек хоть раз увидел это не как идею, а как факт, он уже не может совсем по-старому доверять своим реакциям. Он может срываться, забывать, оправдываться, снова падать в старые ямы. Но где-то внутри остается знание: я сам подбрасываю часть топлива. И значит, я могу перестать подбрасывать хотя бы одну щепку. С этого начинается путь. Не с обещания стать безупречным. С одной щепки, которую сегодня не бросили в огонь.

Глава 3. Когда ум сам поднимает бурю

Человек часто думает, что его мучают события. Начальник сказал резкое слово. Сосед хлопнул дверью. В письме пришел отказ. Сын опять сделал по-своему. В магазине кто-то полез без очереди, и вот уже внутри поднялась волна, будто кто-то бросил в грудь горящую щепку. Мы уверены: причина там, снаружи. Там надо поправить человека, там надо объяснить, наказать, доказать, добиться справедливости. И пока мы этим заняты, мы не замечаем самого главного. Говорит уже здесь.

Я говорю это не для красивого утешения. Утешение тут мало помогает. Когда человек рассержен, ему не нужны хорошие слова. Он и сам знает, что злиться вредно. Он слышал это с детства. Ему говорили родители, учителя, книги, священники, врачи. Он даже мог соглашаться. Но в ту минуту, когда обида входит в кровь, все согласие исчезает. Ум становится слугой раздражения. Он подбирает доводы, вспоминает старое, достает из памяти такие подробности, которые в спокойный час показались бы смешными. И человек говорит: я прав. Конечно, прав. Но страдает он сам.

Вот с этого и надо начинать. Не с вопроса, кто прав. Не с вопроса, кто первый начал. Эти вопросы иногда нужны в су-

де, на работе, в семье, в разговоре с детьми. Но если мы хотим понять свою жизнь, надо сперва увидеть простую вещь: как только в уме возникла злость, страх, зависть, страстное желание или тоска, тело уже получило удар. Дыхание сбилось. Челюсть сжалась. Живот стал тверже. В висках что-то пошло чаще. Человек еще не сказал ни одного слова, а наказание уже началось. Никто его не назначал. Так устроена природа.

Мы привыкли искать виноватого, потому что так легче. Если виноват другой, можно не смотреть внутрь. Можно требовать, чтобы он изменился. Можно построить в голове длинную речь, где все будет ясно, красиво и окончательно. Но жизнь не слушается наших речей. Один человек перестанет нас раздражать, появится другой. Сегодня нам помешали в дороге, завтра подвел родственник, послезавтра тело заболело, потом деньги ушли не туда, потом кто-то не оценил нашей заботы. Если спокойствие зависит от того, чтобы мир вел себя по нашему желанию, спокойствия не будет.

Я не говорю, что надо позволять людям делать что угодно. Это тоже ошибка. Если ребенок тянется к огню, отец не будет сидеть с закрытыми глазами и рассуждать о терпении. Он уберет руку ребенка. Если в доме течет крыша, ее надо чинить. Если человек обманывает, надо остановить обман. Но одно дело - действовать, другое дело - гореть изнутри. Многие путают эти вещи. Им кажется, что без злости они станут слабыми. На практике обычно наоборот. Злой чело-

век часто делает лишнее, говорит лишнее, потом тратит силы на последствия. Спокойный человек видит точнее.

Понаблюдайте за обычной ссорой. Сначала происходит пустяк. Жена говорит мужу: опять ты оставил чашку на столе. Муж слышит не чашку, а обвинение во всей своей жизни. Он отвечает: а ты сама разве никогда ничего не оставляешь? Через минуту речь уже не о чашке. Вспоминается прошлый месяц, прошлый год, чья мать что сказала, кто кого не поддержал, кто сколько работает, кто меньше устает. Два взрослых человека стоят на кухне и защищают не истину, а воспаленное чувство собственного я. Потом каждый уходит в свою комнату с уверенностью, что его не понимают.

Если бы в эту минуту кто-то мог тихо спросить каждого: что сейчас происходит в теле? - ответ был бы простой. Сердце бьется быстрее. Дыхание тяжелее. Лицо горячее. Внутри неприятное давление. Но человек не смотрит туда. Он смотрит на другого. Ему кажется, что надо победить в споре, и тогда станет легче. Иногда он побеждает. Другой замолкает. И что же? Внутри все равно остается тяжесть. Значит, дело было не только в словах другого.

Випассана в этом смысле очень трезвая вещь. Она не просит верить в красивые обещания. Она говорит: посмотри. Не спорь. Не украшай. Не повторяй чужие формулы. Посмотри, как работает твой ум. Вот возникло неприятное слово. Вот за ним поднялась неприятная телесная волна. Вот ум тут же захотел оттолкнуть ее, наказать источник, доказать свою

правоту. И вот страдание стало больше. Если это увидеть не один раз, не в теории, а прямо в себе, отношение к гневу меняется. Он уже не кажется благородной силой. Он похож на человека, который пришел помочь тушить пожар и принес ведро масла.

Многие любят говорить о внутреннем мире. Но часто под этим понимают приятное настроение. Чашка чая, тишина, хорошая музыка, ровный вечер. Это приятно, никто не спорит. Только такой мир слишком хрупок. Достаточно звонка, новости, боли в зубе, чужой грубости, и он исчезает. Настоящая работа начинается не тогда, когда вокруг удобно, а когда внутри поднялось сопротивление. Вот здесь видно, учится человек или только мечтает о спокойствии.

Сначала надо признать одну неприятную вещь: мы плохо знаем себя. Мы знаем свои истории о себе. Я терпеливый. Я справедливый. Я добрый, пока меня не трогают. Я честный, но со мной нельзя так. Я много пережил, поэтому имею право. Эти истории могут быть частично верными. Но они не показывают работу ума в момент удара. А именно там все решается. Не в наших убеждениях, а в первой реакции.

Когда неприятное ощущение появляется в теле, старый ум сразу говорит: убери это. Сделай так, чтобы этого не было. Если ощущение приятное, он говорит другое: оставь, повтори, дай еще. Так проходит день. Маленькие желания, маленькие отвращения, тысяча невидимых движений. Человек думает, что он свободен, а сам дергается за каждой прият-

ной и неприятной волной. Кто похвалил - стало тепло. Кто прошел мимо - стало пусто. Деньги пришли - радость. Деньги ушли - тревога. Тело удобно - настроение хорошее. Тело устало - весь мир виноват.

В этом нет повода для стыда. Так живет почти каждый. Но если человек хочет выбраться, ему надо перестать обманываться. Нельзя вылечить болезнь, пока называешь ее характером. Нельзя освободиться от привычки, пока считаешь ее своим правом. Мы говорим: я такой. Но многое из того, что мы называем собой, просто повторенная много раз реакция.

Вспомните человека, который бросает пить. Ему кажется, что он хочет именно напиток. Но если смотреть внимательно, он хочет состояние, которое приходит после. Тепло, размягчение, уход от тревоги, короткую передышку. Тело помнит это. Когда появляется беспокойство, где-то внутри поднимается требование: дай мне знакомое облегчение. То же самое происходит не только с алкоголем. Кто-то зависит от похвалы. Кто-то от спора. Кто-то от жалости к себе. Кто-то от постоянной занятости, чтобы не оставаться наедине с собой. Везде один механизм: возникло ощущение, и ум тянется туда или бежит оттуда.

Поэтому поверхностные решения помогают ненадолго. Можно сказать себе: не злился. Можно прочитать мудрую цитату. Можно выйти на улицу, включить музыку, позвонить другу, отвлечься работой. Иногда это нужно, особенно если иначе человек сорвется и натворит бед. Но это не меняет ко-

рень. Корень сидит глубже слов. Глубокая часть ума не слушает лекций. Она привыкла реагировать на ощущение. Приятно - хватай. Неприятно - отталкивай.

Вот почему наблюдение дыхания и телесных ощущений не является мелкой техникой для успокоения. Это вход в мастерскую, где куется наша несвобода. Дыхание честнее наших объяснений. Мы можем говорить: я спокоен, все нормально. А дыхание уже стало рваным. Мы можем улыбаться человеку, которого ненавидим, но тело выдаст напряжение. Мы можем убеждать себя, что простили, а при одном воспоминании живот сожмется. Тело не ведет философских споров. Оно показывает, что происходит.

С этим трудно встретиться. Человек садится, закрывает глаза и через минуту видит не светлую тишину, а базар. Мысли бегут. То прошлое, то будущее. То разговор, который не состоялся, то разговор, который хотелось бы провести заново. То страх, то планы, то обрывок песни. Ум как обезьяна, которой дали мешок орехов и сказали сидеть спокойно. И тут легко разочароваться: у меня не получается. Но именно это первое открытие уже полезно. Мы узнаем, что ум не такой послушный, как думали.

Наблюдать дыхание - значит возвращаться к тому, что происходит сейчас. Воздух входит. Воздух выходит. Не надо делать дыхание красивым. Не надо дышать глубже для важности. Не надо добавлять слово, образ, просьбу, молитву, если задача именно в чистом наблюдении. Дыхание долж-

но остаться естественным, потому что мы учимся видеть реальность, а не создавать новую картинку поверх старой. Как только мы добавляем к дыханию то, что сами придумали, мы уже не смотрим прямо. Мы снова заняты своим изделием.

В первые минуты ум будет уходить. Это не провал. Это привычка, которую наконец-то заметили. Раньше он тоже уходил, просто мы шли за ним и не видели. Теперь мы замечаем: ушел. Хорошо. Возвращаемся. Еще раз ушел. Возвращаемся. В этой простой работе есть строгость, но нет насилия. Не надо ругать ум. Ругательство - та же злость, только в монашеской одежде. Надо снова поставить его перед дыханием, как мать спокойно возвращает ребенка с дороги во двор.

Постепенно обнаруживается еще одна вещь. Мы почти не живем в настоящем. Тело сидит здесь, а ум спорит с прошлым или строит будущую победу. Прошрое уже нельзя изменить. Будущего еще нет. Но большая часть сил уходит туда. Человек может есть и не чувствовать еды. Идти по улице и не видеть улицы. Слушать близкого и уже готовить ответ. Так проходят годы. Потом человек удивляется: куда делась жизнь? Она была здесь, но мы редко бывали дома.

Вернуться в настоящее не значит забыть прошлое и перестать планировать. Это было бы глупо. Надо помнить адрес, платить счета, учиться на ошибках, заботиться о завтрашнем дне. Но одно дело - пользоваться памятью и мыслью, другое - быть их пленником. Мастер берет инструмент, когда он ну-

жен, и кладет его обратно. Раб тянет инструмент за собой даже во сне.

Когда внимание становится немного острее, человек начинает чувствовать тело иначе. Сначала грубо: боль, тяжесть, тепло, холод, давление. Потом тоньше: покалывание, пульсация, движение, легкое дрожание, исчезновение и появление. И здесь важна не необычность ощущений. Важна новая привычка: наблюдать без жадности и без отвращения. Приятное ощущение пришло - хорошо, посмотрим. Ушло - тоже посмотрим. Неприятное пришло - посмотрим. Усилилось - посмотрим. Ослабло - посмотрим. Так ум учится тому, чего раньше почти не умел.

В обычной жизни мы все время вмешиваемся. Почесалось - сразу рука. Стало неудобно - сразу движение. Возникла скука - телефон. Поднялась тревога - надо срочно что-то съесть, прочитать, написать, проверить. Мы не выдерживаем малейшего внутреннего движения. Потом удивляемся, почему большие события валят нас с ног. Если человек не может спокойно прожить зуд на щеке, как он встретит оскорбление, болезнь, потерю?

Конечно, речь не о том, чтобы мучить тело. Если боль опасна, надо менять позу, лечиться, заботиться о себе. Здравый смысл никто не отменял. Но чаще мы убегаем не от опасности, а от непривычности. Нам неприятно, и мы немедленно хотим отменить это неприятно. В маленькой медитации видно то, что происходит во всей жизни.

Один человек рассказывал мне: я понял свою злость на колене. Смешно звучит, но он говорил серьезно. На курсе у него заболело колено. Сначала он был уверен, что проблема в колене, подушке, зале, правилах, учителе, возрасте, плохой растяжке. Потом стал наблюдать. Боль менялась. Она не была одним камнем. Она пульсировала, расползалась, собиралась, иногда почти исчезала, потом возвращалась. Но сильнее боли было требование: пусть уйдет сейчас. И когда он увидел это требование, он узнал себя в семейных ссорах, в работе, в отношениях с отцом. Боль в колене стала зеркалом.

Так работает настоящее наблюдение. Оно не дает человеку новой гордости. Наоборот, оно часто снимает лишнюю важность. Мы видим, что наши великие страдания иногда начинаются с очень простой реакции: мне неприятно, и я не хочу это чувствовать. Потом ум добавляет историю, делает ее благородной, украшает правотой, приводит свидетелей. Но у истока было маленькое телесное движение и слепая привычка оттолкнуть.

Если это понять только головой, толку мало. Можно произнести блестящую речь о непостоянстве, а через пять минут взорваться из-за чьей-то фразы. Ум любит знания, которые ничего от него не требуют. Поэтому нужна практика. Снова и снова видеть: ощущение возникло, меняется, исчезает. Мысль возникла, меняется, исчезает. Образ возник, исчез. Настроение поднялось, упало. То, что казалось вечным, держится несколько секунд, если не кормить его реакцией.

Слово непостоянство часто звучит слишком книжно. На деле оно очень бытовое. Кипит чайник - перестает кипеть. Болела голова - отпустила. Радость от покупки - через день стала обычной вещью. Обида, которую вчера хотелось носить как знамя, сегодня уже не такая яркая, если ее не подогревать. Тело каждую минуту показывает этот закон. Но мы ведем себя так, будто приятное должно остаться навсегда, а неприятное не имеет права появляться вовсе. Из этого и растет мучение.

Наблюдать непостоянство не значит стать холодным. Некоторые боятся, что равновесие убьет любовь. Они думают: если я не буду цепляться, значит мне все равно. Это недоумение. Цепляние и любовь - разные вещи. Цепляние говорит: будь таким, как мне нужно, чтобы мне было спокойно. Любовь видит другого живым. Она может быть строгой, заботливой, теплой, требовательной, но в ней меньше страха потерять власть. Чем меньше человек горит от своих реакций, тем меньше он использует близких как лекарство от собственной тревоги.

Так же и сострадание. Оно не является сладким чувством. Иногда сострадание говорит твердое нет. Иногда оно ставит границу. Иногда уходит, чтобы не поддерживать чужую ложь. Но внутри при этом нет желания унижить. Есть понимание: человек, который причиняет вред, уже несет в себе огонь. Если я добавлю к этому свой огонь, станет только жарче. Лучше действовать ясно.

Тут важно не играть роль святого. Роль быстро становится фальшивой. Человек снаружи мягкий, внутри кипит. Он говорит тихо, но каждое слово колет. Он улыбается, но ждет, когда другой споткнется. Такая мягкость хуже прямой грубости, потому что она еще и обманывает. Практика начинается с честности. Я зол. Я завидую. Я боюсь. Я хочу похвалы. Я не хочу видеть этого человека. Хорошо, увидели. Теперь можно работать. Пока мы прячем грязь под ковром, дом не становится чистым.

Но честность не должна превращаться в распушенность. Некоторые говорят: я просто выражаю свои чувства. И начинают бросать их на всех вокруг. Это тоже старая реакция. Если в комнате дым, разумный человек открывает окно и ищет источник дыма. Он не разносит дым по соседям, доказывая, что имеет право на искренность. Чувство надо видеть, а не поклоняться ему.

Средний путь здесь очень практичен. Не подавлять и не выливать наружу. Подавление оставляет жар внутри. Свободный выброс ранит других и укрепляет привычку. Наблюдение дает третью возможность. Я чувствую злость. Я замечаю дыхание. Я чувствую напряжение в груди, жар в лице, давление в руках. Я не обязан немедленно говорить. Я могу подождать, пока волна потеряет власть. Потом, если надо, сказать твердо. Не из слепоты, а из ясности.

В быту это выглядит не торжественно. Человек хотел ответить резким сообщением и не отправил его сразу. Поло-

жил телефон. Почувствовал, как ходит дыхание. Прошелся по комнате. Через десять минут написал короче и точнее. Другой человек на совещании услышал несправедливое замечание. Внутри все вспыхнуло. Он заметил это. Не проглотил обиду навсегда, а просто не дал ей взять микрофон в первую секунду. Через минуту он задал вопрос по существу. Это маленькие победы, но из них меняется жизнь.

Никто не станет свободным за один вечер. Привычки создавались годами. Они были поддержаны семьей, обществом, страхами, успехами, неудачами. Иногда человек даже гордился ими. Я вспыльчивый, зато честный. Я тревожный, зато ответственный. Я жесткий, зато добиваюсь результата. В каждой такой фразе может быть крупица правды, но рядом часто сидит самооправдание. Практика постепенно отделяет силу от грубости, ответственность от тревоги, честность от злости.

Есть люди, которым кажется, что внутренняя работа отнимает время у настоящих дел. Они говорят: мне некогда сидеть и наблюдать дыхание, у меня работа, семья, обязанности. Я понимаю это. Но надо спросить прямо: сколько времени мы теряем на беспокойство, обиды, ненужные разговоры, исправление сказанного в раздражении, болезни от постоянного напряжения? Десять дней курса кажутся большой роскошью. А годы, прожитые в слепой реакции, почему-то не кажутся потерей.

Когда человек учится наблюдать, он не убегает от мира.

Он, наоборот, становится пригоднее для мира. Если он отец, он меньше кричит на детей ради собственного облегчения. Если он руководитель, он меньше путает страх с дисциплиной. Если он врач, учитель, водитель, продавец, чиновник, он приносит в работу меньше внутреннего яда. Это не мелочь. Один раздраженный человек заражает комнату. Один спокойный человек тоже влияет, только тише.

Мы хорошо знаем внешнее загрязнение. Дым, грязная вода, шум, химия. С этим надо бороться. Но есть еще загрязнение, которое каждый носит с собой. Злость имеет запах, даже если его нельзя измерить прибором. Страх передается через голос. Жадность видна в глазах. Зависть меняет интонацию. Человек входит в дом, и дом напрягается. Другой входит, и люди немного выдыхают. Это не мистика. Мы каждый день чувствуем состояние друг друга.

Поэтому работа с умом не является личной прихотью. Она касается всех, кто живет рядом. Если я не умею обращаться со своим гневом, моя семья будет платить за мою духовную неграмотность. Если я не умею видеть страх, мои решения на работе будут заражены страхом. Если я не знаю своей жадности, я назову ее дальновидностью. Если я не замечаю своей гордости, я буду учить других смирению так, что им захочется уйти.

Иногда полезно представить, что каждое внутреннее состояние сразу становится видимым дымом. Разозлился - из тебя пошел черный дым. Позавидовал - зеленоватый. Испу-

гался и прятал страх под грубостью - едкий серый. Тогда многие разговоры выглядели бы иначе. Мы бы меньше заботились о красивой позе и быстрее открывали окна. Но пока дым невидим, мы считаем, что можно хранить его внутри без последствий. Нельзя.

Человек, который наблюдает себя, постепенно становится осторожнее с внутренними движениями. Не зажатее, а именно осторожнее. Он знает цену одному резкому слову. Знает, как быстро ум строит вражду. Знает, что приятное возбуждение от победы в споре потом оставляет усталость. Знает, как сладко пожалеть себя и как трудно потом выйти из этой сладости. Это знание не книжное. Оно нажито на собственных ошибках.

При этом нельзя превращать практику в новый повод презирать себя. Некоторые, увидев свои реакции, начинают: какой я плохой, сколько во мне грязи. Это снова это, только перевернутое. Раньше оно говорило: я особенный, лучше других. Теперь говорит: я особенно плохой. В обоих случаях человек занят собой. Лучше проще: вот реакция. Она возникла по причинам. Она меняется. Я учусь не кормить ее. Этого достаточно.

Другая ловушка - оценивать каждый опыт. Сегодня медитация хорошая, вчера плохая. Сегодня было много легкости, значит я продвинулся. Сегодня болела спина, значит все испортилось. Такой подход переносит старую жадность в практику. Ум все равно хочет приятного и не хочет неприятного,

только теперь предметом стала медитация. Надо заметить и это. Хорошая медитация - та, где человек честно работал. Иногда честная работа проходит среди тяжести.

В жизни так же. Бывают дни, когда внутри ясно. Бывают дни мутные. Если в мутный день человек не бросился разрушать себя и других, это уже работа. Если он заметил хоть одну реакцию раньше обычного, это уже шаг. Если он извинился без унижения и без оправданий, это тоже шаг. Путь состоит из таких простых вещей. Он не любит громких заявлений.

Когда говорят о внутренней свободе, многие представляют необычные состояния. Свет, восторг, тайные силы, особое знание. Но в повседневности свобода часто выглядит скромно. Раньше человек обязательно отвечал грубостью, теперь иногда молчит и думает. Раньше не мог уснуть без прокручивания обиды, теперь замечает дыхание и отпускает хотя бы часть. Раньше зависел от похвалы, теперь радуется ей, но не разваливается без нее. Раньше боялся любого неприятного ощущения, теперь может посидеть с ним и увидеть, что оно меняется.

Это не делает жизнь безболезненной. Тело будет болеть. Люди будут ошибаться. Мы сами будем ошибаться. Близкие будут умирать. Деньги будут приходить и уходить. Страны будут спорить, начальники менять решения, дети взрослеть не по нашему плану. Практика не выдает человеку пропуск из человеческой жизни. Она учит не добавлять к неизбежной

боли лишнее страдание слепой реакции.

Разница огромная. Боль приходит как факт. Страдание разрастается, когда ум кричит: этого не должно быть, я не вынесу, кто виноват, как вернуть прошлое, как заставить будущее подчиниться. Иногда надо действовать. Иногда надо лечить, защищать, менять, уходить. Но делать это можно с меньшим внутренним пожаром. Тогда действие становится чище.

Чистота ума звучит для современного человека немного старомодно. Он может подумать о морализаторстве, о запретах, о чужих правилах. Но здесь чистота означает очень конкретную вещь: меньше злобы, меньше жадного цепляния, меньше обмана, меньше внутренней мутности. Такой ум легче видит, что надо делать. Он не тратит столько сил на оправдания. В нем естественно появляется доброжелательность, потому что ему не надо все время защищать раздутый образ себя.

Мораль тогда перестает быть внешним приказом. Не убивать, не красть, не лгать, не распускать свою похоть, не отравлять себя дурманом - это не список для приличного вида. Это условия, без которых ум не успокоится глубоко. Попробуйте лгать и медитировать честно. Ложь будет возвращаться. Попробуйте причинять вред и искать внутренний мир. Внутри будет шум. Поступки тела и речи оставляют след. Поэтому путь начинается с простого поведения. Без него внутреннее наблюдение превращается в игру.

Но и одной внешней морали мало. Можно никого не ударить и при этом годами бить людей мысленно. Можно говорить вежливо и внутри желать поражения. Можно соблюдать правила и быть сухим, гордым, жестоким. Поэтому нужен следующий шаг - тренировка внимания. Ум должен стать достаточно собранным, чтобы видеть себя. Рассеянный ум похож на грязное зеркало, которое еще и трясут. Что он покажет?

А потом приходит работа мудрости. Не мудрости как красивых фраз, а мудрости как прямого видения: все возникает и проходит; реакция приносит страдание; наблюдение ослабляет реакцию; чистое состояние ума приносит покой здесь и сейчас. Когда это видишь в себе, вера становится не слепой, а проверенной. Чужие слова могут указать направление, но идти все равно придется самому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.